

Восхождение Цзян Линя было чистой случайностью.

Во время своего расследования он столкнулся с множеством препятствий. Казалось, несколько семей пришли к негласному соглашению, и в итоге ему так и не удалось выяснить правду.

Однако это не помешало Цзян Линю отомстить за Гуань Юя.

Раз уж он убедился, что самоубийство Гуань Юя не было случайностью, а эти люди продолжали чинить препятствия, его внимание естественным образом сосредоточилось на них.

Двадцать лет. Целых двадцать лет он потратил на подготовку, чтобы окончательно уничтожить эти четыре семьи, лишив их всякой возможности возродиться.

В тот день погода была приятной, но всё вокруг казалось скучным.

Цзян Линь холодно смотрел на людей, стоявших на коленях и умолявших о пощаде. На их незнакомых лицах читался ужас, словно перед ними стоял сам демон.

После падения четырёх великих семей Цзян Линь стал легендой в высшем обществе столицы.

Экран телефона снова погас.

На этот раз Цзян Линь не стал его включать, а просто отложил в сторону и вернулся к работе.

В этой жизни всё ещё только начиналось, и он намеревался следить за всем с самого начала.

Как только у Цзян Линя появилась возможность создать свою собственную силу, он приказал следить за Лу Тянем, чтобы каждое движение последнего тут же докладывалось ему.

В этой жизни Цзян Линь был ещё более целеустремлённым, чем в прошлой. Он знал, что только достигнув высот, сможет защитить тех, кто ему дорог.

Он не хотел, чтобы подобное повторилось снова.

Такой живой человек, как Гуань Юй, должен был прожить долгую жизнь, а не уйти из неё столь решительным образом.

Юноша с тонкой фигурой долго сидел за письменным столом, его силуэт освещался ночным светом.

Время на компьютере изменилось с часа ночи на пять утра.

У него оставалось около сорока пяти минут на отдых, а с рассветом он должен был отправиться в аэропорт, чтобы улететь в другой город.

Немного прибрав на столе, Цзян Линь лёг на кровать.

Из сорока пяти минут отдыха он потратил более десяти, и к моменту засыпания было уже пять пятнадцать.

Возможно, из-за нехватки сна Цзян Линь не видел кошмаров.

И он снова не увидел Гуань Юя во сне.

На рассвете, когда небо едва начало светлеть, будильник прозвенел вовремя, и спящий быстро проснулся.

Голова была тяжёлой, и Цзян Линь провёл пару минут в оцепенении, прежде чем встать. После быстрого умывания он позвонил, чтобы его отвезли в аэропорт.

Возможно, из-за раннего выезда дорога была свободной, и они быстро добрались до аэропорта.

Казалось бы, они не должны были встретиться, но среди множества людей Цзян Линь снова первым увидел Гуань Юя.

Казалось, он невольно обрёл способность сразу замечать этого юношу в толпе.

Увидев знакомый силуэт в зале аэропорта, Цзян Линь ускорил шаг.

Он держался на небольшом расстоянии от Гуань Юя, как это бывало каждое утро, когда он следовал за ним по лестнице учебного корпуса.

Мягкий солнечный свет, проникавший через стекло аэропорта, окутал юношу, словно делая его самым священным и недостижимым существом в мире.

Ему нравилось смотреть на его спину.

Но за этой привязанностью всегда скрывался огромный страх.

Он радовался этой неожиданной встрече, но одновременно боялся, что сцена, которой не было

в прошлой жизни, может вызвать необратимый эффект бабочки.

Он не мог снова пережить боль потери Гуань Юя.

Тот был высечен в его костях и крови.

В прошлой жизни он мог сказать, что Гуань Юй был лишь частью его жизни, но теперь, вернувшись, юноша уже не желал ничего другого.

Он уже имел то, что казалось недостижимым.

После перерождения единственной движущей силой и надеждой для него стал этот человек.

Он был для него всем.

Цзян Линь вложил всю свою преданность и осторожность в Гуань Юя.

Однако небеса, кажется, всегда любили наблюдать, как ты становишься игрушкой судьбы, а затем смотришь на всё с изумлением.

Даже садясь в самолёт, Цзян Линь всё ещё не мог поверить в происходящее.

Он не только увидел Гуань Юя в аэропорту, но и в салоне самолёта.

Спина и профиль человека, сидевшего впереди, оказались прямо перед его глазами.

Юноша сжал губы, и в его взгляде мелькнула искренность.

Его пальцы снова непроизвольно сжались, касаясь чёрных брюк, и он почувствовал лёгкую шероховатость подушечек пальцев.

Поскольку он летел в столицу по делам компании, его наряд был простым — белая рубашка и чёрные брюки, но аккуратно зачёсанные чёрные волосы придавали ему более зрелый вид.

Цзян Линь незаметно наблюдал за Гуань Юем, но его лоб слегка нахмурился.

Снова это.

Это навязчивое желание стать ближе к человеку перед ним снова начало подниматься из

разных уголков его тела.

Оно захватило его разум и контролировало сердце.

Даже кончики пальцев начали слегка подрагивать.

Все его чувства кричали ему: «Хочу его».

Хотя он подавил это желание прошлой ночью, теперь оно снова вырвалось наружу.

И это чувство жажды было даже сильнее, чем раньше.

К счастью, самолёт уже взлетел, и ощущение невесомости, охватившее его со всех сторон, прервало его едва сдерживаемые эмоции.

Когда самолёт выровнялся, его сердце всё ещё билось чаще, чем обычно, а в ушах стоял гул.

Он не знал, было ли это из-за самолёта или чего-то ещё.

Но в этот момент все его мысли и рассудок исчезли.

Он поднял голову и смотрел на юношу впереди. Тот, казалось, часто летал, поэтому чувствовал себя спокойно.

Не так, как он.

Цзян Линь боялся летать.

Во-первых, из-за дискомфорта, а во-вторых, потому что именно в авиакатастрофе он погиб и переродился.

В тот момент он уже отомстил за Гуань Юя, а его бабушка и дедушка, которые заботились о нём, спокойно ушли из жизни несколькими годами ранее.

Поэтому в том мире больше не было никого, о ком он бы беспокоился.

Но даже так тень смерти не так легко было стереть.

Он на собственном опыте ощутил боль, когда его тело разрывалось на части. Память может

исчезнуть, но нервы помнят.

Когда самолёт взлетал, острая боль и прежнее желание смешались воедино.

Это была двойная мука.

И он ничего не мог с этим поделать.

Когда всё успокоилось, губы Цзян Линя были белыми, как мел.

На этот раз всё было хуже, чем когда-либо.

Иначе он не совершил бы такой опрометчивый поступок в следующий момент.

Человек, сидевший рядом с Гуань Юем, видимо из-за сильного волнения пролил воду из стакана.

Те, кто сидел рядом, не избежали участи, и брюки Гуань Юя оказались полностью мокрыми.

Никто не стал бы винить его за неосторожность, поэтому, когда самолёт выровнялся, Гуань Юй встал, чтобы пойти в туалет и высушить одежду.

— Твои брюки мокрые?

Голос звучал холодно, но если прислушаться, в нём можно было уловить лёгкую хрипотцу.

В этот момент и Гуань Юй, и Цзян Линь на мгновение замерли.

Первый не сразу узнал юношу, так как тот выглядел иначе, чем в школе, а второй был ошеломлён своей собственной дерзостью.

Цзян Линь встретился взглядом с ясными глазами Гуань Юя, и его сердце внезапно заколотилось.

Когда двойная мука охватила его, странные мысли овладели им.

Его рука, лежавшая на боку, уже сжала плоть на бедре, готовясь к отступлению.

Но Гуань Юй был слишком добр.

Он никогда не ставил людей в неловкое положение.

Тем более он уже узнал того, кто обратился к нему. Это был Цзян Линь, с которым он встречался дважды раньше, и тот даже вовремя поддержал его, когда он чуть не упал.

Этот знаменитый своим холодным отношением отличник оказался с ним в одном самолёте и снова заговорил.

— А, да, я случайно пролил воду.

Его голос был полон живости и тепла, совершенно непохожего на Цзян Линя.

Он даже потянул за мокрую часть брюк, совершенно не смущаясь.

Цзян Линь смотрел на его слегка приподнятые уголки губ, и его рука, сжимавшая бедро, наконец расслабилась.

Возможно, он действительно мог быть осторожным.

Осторожно контролировать крылья бабочки своего перерождения, не позволяя им вызывать большие отклонения, и медленно приближаться к нему.

Он даже не надеялся быть с Гуань Юем.

<http://bllate.org/book/15445/1369916>